

СКВАЖИНА № 17

роман ужасов

18+

ТАЙЛЕР НОВАК

Tyler Nowak

Скважина # 17

<https://litres.ru/74500853>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1973 году небольшая геологоразведочная партия прибывает в Бобровку, чтобы проверить малоизученный угольный пласт за Мочалкой. Работа кажется рутинной: бурение, керн, замеры, отчёты. Ничего необычного — пока одна из скважин не проходит туда, где, согласно всем расчётам, не должно быть ничего.

Сначала геологи замечают странную пустоту под землёй. Затем — тёплый воздух, необъяснимые звуки и образцы породы, которые не подчиняются известным законам геологии. Чем глубже опускаются приборы, тем меньше происходящее похоже на природную аномалию.

А когда скважина начинает отвечать человеческими голосами, становится ясно: под Бобровкой находится нечто, что слишком долго оставалось нетронутым.

И, возможно, бурение не открыло дорогу вниз.

Возможно, оно открыло дорогу наверх.

«Скважина 17» — мрачный геологический хоррор о месте, где земля помнит больше, чем человек способен вынести, а самое страшное начинается там, где заканчиваются привычные объяснения.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Tyler Nowak

Скважина # 17

Глава 1

СКВАЖИНА № 17

ГЛАВА I. ЗА МОЧАЛКОЙ

Художественное произведение. Персонажи и события вымышлены.

В Бобровку мы приехали в конце июня 1973 года, когда на Алтае уже установилась сухая жара, но ночами от рек и низин всё ещё тянуло сыростью. Я был тогда двадцатисемилетним инженером-геологом, только третий год работал в партии, и относился к любым разговорам о «нехороших местах» с тем снисходительным терпением, которое молодость часто принимает за образованность.

Нас прислали уточнить мощность бурогоугольной толщи к югу от села. Сведения о ней ходили давно. Пласт считался молодым, влажным, с высокой зольностью и, по предварительным оценкам, не особенно ценным. Несколько старых скважин давали противоречивые результаты: где-то уголь лежал сравнительно высоко, где-то исчезал совсем, а в одном отчёте сороковых годов встречалась приписка карандашом: «разрез нарушен, повторное бурение нецелесообразно». По-

чему нецелесообразно, никто не объяснил.

Начальником партии был Борис Львович Вайнштейн — сухой, седой человек пятидесяти двух лет, вечно щурившийся так, словно перед ним находился плохо составленный отчёт. Он прошёл Среднюю Азию, Саяны, Каратау и за двадцать пять лет работы приобрёл почти религиозную веру в измерительный прибор. Если прибор показывал невозможное, Борис Львович не говорил, что невозможное существует. Он говорил, что прибор неисправен.

Буровой мастер Фёдор Кузьмич Мартынов был полной его противоположностью. Невысокий, широкоплечий, с руками, покрытыми тёмными шрамами, он доверял только металлу, запаху породы и собственному слуху. «Бур разговаривает, — говорил он. — Если его не перебивать начальством, всё расскажет».

Кроме нас в партии были геофизик Лев Корнеев, моторист Сашка Мухин, буровики Василий Коробейников и Гена Рыбаков, лаборантка Тамара Ильинична Крылова и повариха Галя. Жили мы в двух вагончиках, поставленных на выровненной площадке за Маслово, ещё дальше — за низиной, которую местные называли Мочалкой.

Почему Мочалкой, мне никто внятно не объяснил. В дождь там расползалась тяжёлая болотная жижа, из которой торчали длинные спутанные корни и серые ленты прошлогодней травы. В сухое лето низина выглядела почти безобидно: осока, кусты, блестящая вода в узких прогалах. Но на-

звание держалось крепко. «За Мочалку пойдёшь?» — спрашивали в магазине. «Машина ваша за Мочалкой стоит?» — говорили мальчишки.

Буровую поставили ещё дальше, на пологом участке, где земля была твёрдой и ровной. В ста метрах начиналась берёзовая поросль, а за ней местность медленно опускалась к ручью. Никаких старых шахт, провалов или заметных выходов угля поблизости не было.

Первую неделю мы работали скучно.

Первое знакомство с Бобровкой у меня вообще не было связано с буровой. В день приезда грузовик застрял возле магазина, и мы почти час ждали трактор. Я успел пройтись по селу. Вдоль улиц стояли старые деревянные дома с палисадниками, где цвели мальвы; где-то пахло свежескошенной травой, где-то навозом, где-то печным дымом, хотя стояла жара. Бобровочка была мелкой и спокойной. За огородами тянулись поля, а дальше поднимались сопки. Ничто в этой местности не производило впечатления места, способного скрывать какую-либо тайну. Скорее наоборот: она казалась слишком открытой, слишком обжитой, слишком давно измеренной человеческим шагом.

У магазина нас сразу окружили мальчишки. Они спрашивали, ищем ли мы золото. Один утверждал, что его дед «самородок с голубиное яйцо» нашёл возле ручья. Второй говорил, что под Бобровкой есть целое подземное море. Третий, самый маленький, серьёзно сообщил, что «за Мочалкой

земля пустая».

— Кто тебе сказал? — спросил я.

— Дед.

— А дед откуда знает?

Мальчишка пожал плечами.

— Потому что стучит.

Остальные засмеялись и потащили его прочь.

Я записал эту фразу в полевой блокнот лишь потому, что собирал забавные местные выражения. Позднее мне много раз хотелось вырвать ту страницу.

Площадку выбирали по старой сетке разведочных профилей. У нас было четыре проектные точки: Б-14, Б-15, Б-16 и Б-17. Первые три дали совершенно нормальный разрез. Именно поэтому никто не ожидал неприятностей от четвёртой. Б-17 находилась всего в нескольких сотнях метров от расчётной линии и отличалась от соседних только тем, что стояла на едва заметном возвышении за Мочалкой.

Когда мы забивали колышек в центре будущей скважины, Фёдор Кузьмич вдруг сказал:

— Тут уже копали.

Я осмотрел землю. Никаких следов.

— Почему решили?

Он показал на берёзы. У нескольких деревьев стволы на высоте человеческого роста были повреждены одинаковыми горизонтальными зарубками.

— Старые метки.

— Лесники?

— Может быть.

Под ногами он нашёл кусок ржавой проволоки и толстый фарфоровый изолятор от старого кабеля. На изоляторе ещё виднелась синяя заводская цифра «4».

Вайнштейн осмотрел находку и бросил обратно в траву.

— Здесь работали до нас. Ничего удивительного.

На следующий день Николай Дорофеевич принёс довоенную карту. На ней район за Мочалкой был почти пустым. Только одна тонкая карандашная отметка возле нашей точки — кружок без подписи.

— Что это? — спросил я.

— Не знаю. Карта от отца осталась.

— Колодец?

— Может быть.

Фёдор посмотрел на кружок и затем на ржавый изолятор, который я зачем-то сохранил.

— Или старая скважина.

Вайнштейн усмехнулся.

— Если здесь была скважина, она должна быть в фондах.

— Должна, — сказал Николай Дорофеевич.

Он произнёс это слово как человек, хорошо знающий разницу между тем, что должно быть, и тем, что бывает.

В первые дни мы ещё успевали ходить в село по вечерам. Сашка ухаживал за продавщицей из магазина. Гена играл с местными мужиками в карты. Тамара подружилась с Галей

и собирала у старух рецепты травяных настоев. Я несколько раз заходил к Николаю Дорофеевичу. У него была небольшая библиотека — старые географические атласы, дореволюционные книги, учебники. Он показал мне тетрадь, где много лет записывал местные названия: Мочалка, Маслово, Мокрый лог, Татарский ключ, Сухая падь.

— Названия живут дольше людей, — говорил он. — Иногда никто уже не знает почему, а название остаётся.

— А Мочалка?

— Тут проще. Раньше мочили лён, мочало делали, так говорят. Другие говорят — из-за болотистой травы. Выбирай что нравится.

— А «земля пустая»?

Старик поднял глаза.

— Кто сказал?

— Мальчишка возле магазина.

Он закрыл тетрадь.

— Детям много чего говорят.

— А вам говорили?

— Говорили.

— Что именно?

Он улыбнулся.

— Что геологам лучше заниматься геологией.

Тогда я счёл это шуткой.

И это, пожалуй, самое важное, что я могу сказать о начале всей истории.

Она была скучной.

Утром гремел дизель. Фёдор Кузьмич ругался на резьбу. Я описывал керн, отмечал цвет, трещиноватость, влажность и процент выхода. Тамара раскладывала образцы по деревянным ящикам. После обеда жара становилась такой, что металл вышки невозможно было коснуться голой рукой. Вечером Галя кормила нас картошкой, тушёнкой и неизменным салатом из огурцов. Потом играли в домино или сидели у вагончика, глядя, как над Бобровкой медленно загораются окна.

По вечерам к нам иногда приходили местные.

Первым появился Николай Дорофеевич Чирков, пенсионер, бывший школьный учитель географии. Худой, высокий, в выцветшей панаме, он пришёл посмотреть «что на этот раз ищут учёные». Узнав про уголь, он усмехнулся.

— Его тут всегда находят, — сказал он. — А потом всегда перестают искать.

— Потому что плохой, — ответил я.

— Наверное.

Он сказал это без всякого намёка, но Фёдор Кузьмич поднял глаза.

— А почему «наверное»?

Чирков пожал плечами.

— При мне три раза бурили. До вас. Один раз в пятьдесят шестом, потом, кажется, в шестьдесят первом. Третий — уже не помню. Всё собирались бассейн доказать. Потом всё

бросали.

— Есть отчёты, — сказал Вайнштейн.

— Раз есть отчёты, значит, всё правильно.

Он больше ничего не добавил.

Через два дня пришла старуха из Маслово — Агафья Савельевна. Принесла Галине банку молока и долго стояла возле ящиков с керном. Её внимание привлёк чёрный образец, который мы подняли утром с глубины ста девяноста двух метров.

— Уголь? — спросила она.

— Он самый, — ответил я.

Она не коснулась образца, хотя я протянул его ей.

— Это ещё верхний.

— Верхний уголь?

Старуха посмотрела на меня так, будто я нарочно сказал глупость.

— Верхний чёрный.

— А нижний какой?

— Нижний тоже чёрный.

Гена прыснул со смеху. Агафья Савельевна повернула к нему голову.

— Только он не уголь.

После её ухода Гена ещё долго изображал деревенскую пророчицу и требовал, чтобы мы «не трогали нижний чёрный». Я тоже смеялся. Вайнштейн вообще не слышал разговора: он сидел в вагончике и сводил данные.

На восьмой день глубина достигла двухсот тридцати метров.

Порода стала однообразной: тёмный алевролит, прослой бурого угля, снова алевролит. Скорость проходки держалась стабильной. Фёдор Кузьмич стоял у станка, положив ладонь на рычаг подачи, и время от времени кривил рот — так он прислушивался к бурению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.